

Анатолий Шалагин

Черный лотос

Анатолий Шалагин

Черный лотос

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724983

ISBN 9785448566363

Аннотация

Книга рассказывает о начале атомной гонки и усилиях советской внешней разведки по поиску информации о создании нового оружия. Резидент советской внешней разведки Исхак Ахмеров обнаруживает секретные сведения, позволившие СССР в кратчайшие сроки создать свою атомную бомбу.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Черный лотос

Анатолий Шалагин

© Анатолий Шалагин, 2017

ISBN 978-5-4485-6636-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Это похоже на бред шизофреника – произнес президент, откладывая в сторону письмо автора теории относительности – Или это научная фантастика, или чистой воды плод болезненного воображения Эйнштейна. Где Вы, Алекс, взяли это письмо? Он что, сам на Вас вышел?

Виднейший американский финансист Александр Сакс, являющийся неофициальным советником президента Рузвельта, поставив на стол кофейную кружку и вытерев губы салфеткой, ответил:

– О, сэр, путь этого письма до Овального кабинета был весьма трудным и долгим. Еще в тридцать восьмом некие Лео Сцилард и Энрико Ферми обратились с письмом к адмиралу Хуперу¹ с предложением начать исследования по урану. Ну, Вы же знаете Хупера. Он, как и следовало ожидать, это

¹ С. С. Хупер- начальник научно-технического управления военно-морских сил США.

письмо спрятал в стол, объяснив ученым, что стране сейчас не до сомнительных экспериментов. Но эти ребята оказались упертыми. Они вышли на Эйнштейна. А тот, несмотря на все свои странности, сразу понял, о чем ему говорили Сцилард и Ферми. Гений подписал письмо, полагая, что к его авторитету прислушаются в Белом Доме.

– А чего он сам-то ко мне не пришел? Я, вроде, не кушаюсь... – улыбнулся Рузвельт, невольно вспомнив свою первую встречу с этим лохматым гением. Тогда, в сентябре 1937 года, Эйнштейн произвел на президента странное впечатление. С одной стороны чувствовалось, что этот человек обладает недюжинным интеллектом, а с другой стороны, он производил впечатление обычного дурака. Когда в Овальный кабинет во время их беседы вальяжно зашел любимый кот президента Вильям, великий физик вдруг... гавкнул на бедное животное. Отчего перепуганный кот, громко фыркнув, выскочил в коридор. А сам Эйнштейн при этом как-то странно рассмеялся.

– Да, Вы же его знаете, господин президент. Ему все эти «выходы в свет» хуже горькой редьки.

– Понятно, а почему он к Вам-то обратился?

– Да нет, сэр, это не он. Письмо мне передал все тот же Сцилард...

– Что-то этот господин проявляет завидное упорство. Часом, не могут ли за ним стоять нацисты или коммунисты?

Советник еще раз пригубил кофе, и, выдержав паузу, от-

ветил:

– Не думаю, сэр. Антифашистские взгляды Эйнштейна Вы знаете. Да, и коммунистов, насколько я знаю, он недолюбливает. Я, думаю, что, не будучи уверенным в надежности своих коллег, Эйнштейн не стал бы ввязываться в это дело.

– Ну, что ж, Алекс – морщась от боли, сковавшей его ноги, сказал Рузвельт – будем заниматься этой проблемой. С нашей стороны было бы непростительной глупостью, если бы сегодня, на кануне большой войны, мы оставили бы без внимания рекомендации наших ученых. Ведь самое страшное, если таким сверхоружием быстрее нас завладеет Германия или Япония...

Дверь открылась, и в кабинет вошел помощник президента Роберт Шервуд. Он что-то шепнул на ухо Рузвельту. Тот кивнул головой.

– Алекс, к сожалению, я должен прервать наш разговор, мне пора к камину. Я дам распоряжения по данному вопросу. Все это требует действий – президент протянул руку советнику.

– Да, да, сэр, конечно... – Сакс поднялся со своего кресла и пожал руку Рузвельту.

Когда финансист вышел, президент, поддерживаемый помощником, перебрался в кресло-коляску.

– Ну, поехали, Роберт – сказал Рузвельт, продолжая думать о разговоре с Саксом: «Интересно, нет ли у Алекса

коммерческого интереса в этом проекте? Может быть, он так и хлопчет, чтобы что-то на этом заработать...»

Накануне второй мировой войны в физических лабораториях многих стран мира шли исследования в области расщепления урана. Открытие супругов Кюри² вывело мировую науку на совершенно иной этап развития. На новом этапе своего развития оказалось и человечество. Никому не дано предугадать, начнись война на 2—3 года позже, какой бы характер она приняла? Вполне возможно, что на мирные города СССР, Англии и других стран посыпались бы атомные бомбы.

Исследования в различных странах велись с большим или меньшим успехом.

Наибольших результатов добился француз Фредерик Жолио-Кюри, работая в лаборатории Коллеж де Франс. В 1939 году им было установлено, что при распаде атома урана высвобождается несколько нейтронов, которые в свою очередь разрушают соседние атомы. Иными словами, речь шла о возможности цепной реакции – прообразе ядерного взрыва. Этот же вывод сделали и работающие в США Э. Ферми и Л. Сцилард.

Не отставали от французов и американцев и ученые третьего рейха.

² Фредерик и Ирен Кюри в 1935 году были удостоены Нобелевской премии за открытие искусственной радиоактивности.

24 апреля 1939 года на имя министра военной промышленности Германии Альберта Шпеера поступило письмо от профессора Гамбургского университета Пауля Гартека, в котором говорилось: «...в ближайшее время возможно создание взрывчатого вещества, которое по своей разрушительной силе на много порядков превосходит обычную взрывчатку. Страна, которая первой поставит себе на службу достижения ядерной физики, обретет абсолютное превосходство над другими». А в сентябре 1939 года, то есть уже после начала второй мировой войны, на базе Физического института Общества кайзера Вильгельма (в 20-ые годы этот крупнейший научный центр Германии возглавлял Альберт Эйнштейн) было создано «Урановое общество», в которое вошли ученые с мировым именем Гартек, Гейгер, Боте, Дибнер, Гейзенберг, Вайцеккер и другие.

В 1940 году к разработкам по атомному оружию подключились и английские ученые³. Результатом работы англичан стала так называемая программа «Тьюб эллойс», которая позже сольется с американским «Манхэттенским проектом»⁴. Вместе с тем, Черчилль дал задание английским спец-

³ В апреле 1940 года по указанию премьер-министра У. Черчиля был создан т.н. «комитет Томсона» – коллегиальный орган, субсидируемый правительством Великобритании и координирующий работы по военному применению атомной энергии.

⁴ 19 августа 1943 года в канадском городе Квебек президент США Ф.Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль подписали соглашение, по которому атомные проекты двух стран были объединены.

службам изучить возможность «...срыва возможных усилий нацистских ученых по созданию атомного оружия».

Проявляли интерес к атомным исследованиям и в Японии. По указанию генерала Такео Ясуды, который руководил научно-техническим управлением императорских военно-воздушных сил, в мае 1941 года профессор Иосио Нисина возглавил работы по разработке атомного оружия. Японский ядерный проект получил название «Ни».

А в Советском Союзе работы по изучению атомной реакции... были практически заморожены. В 1936 году на очередной сессии Академии наук СССР резкой критике были подвергнуты сотрудники Ленинградского Физико-технического института. Результаты работы академика А.Ф.Иоффе и его учеников были признаны не имеющими практической перспективы. В те годы подобные формулировки могли плачевно отразиться на судьбах талантливых ученых. Так, идеологические догмы откинули нашу страну на годы назад. В гонке мировых держав за обладание ядерным оружием СССР оказался в роли аутсайдера.

Фитин подошел к окну, и широко раскинув руки, потянулся. Нужно было сбросить усталость, которая, несмотря на молодость, все же одолевала. Бешеный темп работы накануне войны, и особенно после ее начала, начинал сказываться на самочувствии. «Некогда раскисать» – подумал он. Перед тем, как опустить шторы светомаскировки, Фитин по-

смотрел на улицу. «Как изменилась Москва!» – заметил он. Некогда цветущий и сверкающий огнями город, город который он любил каждой клеточкой своего организма, буквально за 2 месяца превращался в нагромождение серых коробок зданий. И даже летняя зелень стала какой-то тусклой. На улицах начали устанавливать противотанковые ежи, над Большим театром «плавали» аэростаты, на площади Пушкина появились баррикады из мешков с песком. Столица все больше становилась похожей на прифронтовой город.

Генерал сел за рабочий стол и включил настольную лампу. Перед ним лежала увесистая папка с документами, на которой было написано одно слово: «Уран».

Еще в 1940 году в службу внешней разведки от различных источников стали поступать сигналы об активизации за рубежом работ по созданию атомного оружия. Первоначально эти сообщения казались второстепенным материалом, который нередко «проскальзывает» в сообщениях разведчиков. Но постепенно стала вырисовываться общая картина, из которой стало ясно, атомное оружие – не фантазии ученых, а вполне реальная угроза. Тогда, в сороковом, Фитин дал поручение руководителю научно-технического подразделения управления внешней разведки НКВД Леониду Квасникову разобраться с поступающими материалами.

Отдел, которым руководил Квасников, был одним из самых миниатюрных. В нем работало всего лишь три человека. Однако, эти трое, несмотря на свою молодость, проявляли

завидную работоспособность и осведомленность в научных вопросах.

За короткий срок были собраны и проанализированы все материалы, поступавшие в СССР по линии НКВД и ГРУ, а также публикации в зарубежных и советских научных изданиях. К работе в качестве консультантов были привлечены крупнейшие физики страны. И тогда стало ясно, что наша страна, готовясь к большой войне, отстала от мировых держав в разработке нового оружия.

Выводы ученых были доложены Берии. И нарком «взорвался». Он кричал, брызгая слюнями в разные стороны: «Мало мы этих жидов попересажали. Страна накапливает мощь для отпора агрессора, а тут нам пытаются навязать какие-то авантюры. А ты, Фитин, их прикрываешь. Мало того, что наши недобитки мелят чушь, так и твои агенты гонят нам дезу. Ты что, Фитин, думаешь, что я с этими абсурдными выводами пойду в Политбюро?!».

После памятного разговора с Берией Фитин все же дал установку всей советской агентурной сети за рубежом продолжить сбор информации по вопросам атомного оружия.

И вот сейчас, когда фашисты рвались к Москве, у начальника управления внешней разведки на столе лежало досье, которое требовало каких-то действий. Фитин буквально нутром чувствовал, что если сейчас не предпринять срочных мер, то завтра будет уже слишком поздно.

Он нажал кнопку вызова и сказал вошедшему адъютанту:

«Пригласите ко мне Павлова и Ахмерова».

– Какие оценки у вас были в школе по химии и физике? – спросил он у вошедших подчиненных.

Павлов и Ахмеров удивленно переглянулись.

– Да, ладно, двоечники, садитесь – смеясь, сказал генерал.

Этим двоим Фитин мог доверять полностью. Сомневаться в их честности и порядочности у генерала причин не было. Особенно сблизили их совместная разработка операции «Снег» и история женитьбы Исхака Ахмерова. А теперь предстояла новая большая работа.

Во-первых, необходимо было расконсервировать американскую нелегальную резидентуру, работу которой в свое время по приказу Берии пришлось приостановить. С началом войны получение оперативной разведывательной информации из Европы стало практически невозможным. Поэтому главными источниками политической разведки в создавшихся условиях должны были стать высокопоставленные чиновники американского правительства. А с ними нужно было работать.

Вторая задача состояла в том, чтобы попытаться все же размотать клубок, связанный с возможным использованием урана в военных целях. И хотя прямой угрозы Советскому Союзу в этом отношении пока еще не было, стало заметным, что в США «стягиваются» лучшие специалисты в этой области физики. И если учесть комментарии, которые получил Фитин от советских ученых, то одно это уже не могло не на-

стороживать.

Но если по первому вопросу было все ясно, и Ахмерову опыта сбора ценной информации было не занимать, то по второй проблеме вопросов было больше, чем ответов.

– Исхак, ты помнишь свою шифрограмму по урану – спросил генерал, когда оперативники сели за стол.

– Связанная с исследованиями физиков в Колумбийском университете? – после небольшой паузы спросил Ахмеров.

– Она самая. Наши ребята из посольства подтвердили, что в Штатах от разговоров по урану переходят к конкретным делам. Немцы, как мне думается, тоже не сидят, сложа руки. Так что тема весьма интересная. Но еще интересней история, которую я вам сейчас расскажу.

Павлов и Ахмеров переглянулись, они прекрасно понимали, что имеет в

виду их шеф, говоря «история». После таких «историй» всегда следовали конкретные задания.

– Для начала вспомните химию и физику. Уран – самый тяжелый металл, известный сегодня науке. На Западе установили, что он обладает искусственной радиоактивностью и способен расщепляться на атомы, выделяя при этом громадное количество энергии. Понятно, что эта энергия предусматривает и большую разрушительную силу. Для производства урана, который бы смог расщепляться, нужна урановая руда и, так называемая, тяжелая вода. Самым крупным поставщиком урановой руды в мире до недавних пор была

бельгийская фирма «Юнион миньер», которую возглавляет некто Эдгар Сенжье. Урановые шахты находятся в Катанге...

– Конго? – удивленно спросил Ахмеров?

– Точно – улыбнулся Фитин, отметив про себя энциклопедическую грамотность агента – Есть еще рудники в чешском Яхимове, но объемы добычи там пока небольшие. Как видите, Гитлер, развязав войну в Европе, получил доступ к урану. Ему досталось какое-то количество урана, который бельгийцы до войны переправили в Европу, а теперь еще и рудники в Чехии.

Но вернемся к Сенжье. За его рудой, по-видимому, началась охота. У нас есть данные, что ею интересовались англичане и французы до своей оккупации. Возможно, что на него выходили и немцы. А теперь самое интересное. Перед самой оккупацией Бельгии Сенжье перебросил всю добытую в Катанге руду в Анголу. Там он зафрахтовал два судна. Руда была погружена на борт по подложным документам¹. Из ангольского Лобито корабли направились в Кейптаун и... – Фитин сделал паузу, с загадочным видом глядя на оперативников.

– Они потерялись! – почти хором воскликнули Павлов и Ахмеров.

– Точно. До Кейптауна суда не дошли. Так вот, куда они делись, неизвестно...

Вдруг за окном зазвучал отдаленный вой сирен. Из висящей на стене «тарелки» раздалось: «Внимание! Воздушная

тревога! Воздушная тревога...»

– Ну что, пойдём в подвал? – тяжело вздохнув, спросил генерал. Нужно было привыкать к новым реалиям. Пока вот такие сигналы тревоги были в диковинку, но совсем скоро фашистские авиабомбежки станут регулярными.

– Да нет, пока дойдем, возвращаться придется – возразили оперативники.

Фитин нажал кнопку вызова.

– Сергей – сказал он вошедшему адъютанту – ты по-быстрому сделай нам чайку, а сам иди в убежище.

Уже через пять минут, прихлебывая горячий чай, Фитин продолжил свой рассказ:

– А теперь о тяжелой воде. В природе ее очень мало – он заглянул в лежащую перед ним папку – 1 литр на почти 7 тонн обычной воды. В 1934 году в норвежском городе Рjukanе некая фирма «Норск-гидро» построила небольшой заводик по производству тяжелой воды. В начале прошлого года немцы попытались купить у норвежцев всю выработанную на заводе тяжелую воду. Но ни тут-то было. Их опередили французы, которые тайно вывезли весь запас тяжелой воды из Норвегии во Францию. Немного немало было вывезено 185 килограммов этой самой тяжелой воды. Уж не знаю, успели французы с ней что-то сделать или нет, но когда Германия оккупировала Францию, английские спецслужбы попытались вывезти запас тяжелой воды в Англию, но при вы-

ходе из порта Бордо английский сухогруз, который перевозил канистры с тяжелой водой, подорвался на германской мине. Что стало с теми канистрами никому не известно.

В кабинете повисла тишина, только за окном слышались отдаленные хлопки зенитных батарей и вой пожарных машин.

– Так теперь у Германии есть и завод в Норвегии?⁵ – спросил Павлов.

– Да, теперь у Гитлера есть и уран, и тяжелая вода – ответил Фитин – Норвежцы не позаботились о том, чтобы взорвать завод. Капиталисты есть капиталисты. Хозяину завода все равно на кого работать. Германия, конечно, лишилась многих видных ученых-атомщиков, но ее научный потенциал по-прежнему велик. Как мне объяснили наши физики, для производства атомной бомбы нужно время, мощная промышленность и относительно спокойная территория, где можно было бы, не опасаясь бомбежек, проводить эксперименты. На сегодня все это у Гитлера есть. Есть это и у Америки. С Англией попроще в том плане, что Англия – воюющая страна, которая подвергается массированным бомбежкам. Так что, по мнению наших ученых, бомба будет создана, скорее всего, в США или Германии.

– А Япония? – спросил Ахмеров.

– Япония в этой новой гонке может оказаться «темной лошадкой». Информации у нас по ней сейчас стало мало.

⁵ Германия оккупировала Норвегию в мае 1940 года.

На сегодняшний день из разведанных месторождений урана, доступных Японии, известны только маломощные рудники в Корее и в префектуре Фукусима. О других ничего не известно. То ли они есть, то ли их нет. Нам на руку, что в Японии все никак не разберутся, кто важнее, армия или флот. Пока они рядятся, время работает на нас. Нам бы очень помогло, если бы Америка ввязалась в войну с Японией. Глядишь, там и мы догоним капиталистов с этой бомбой.

– Мы отстали? – спросил Павлов

– Отстаем – вздохнув, ответил Фитин – А тут такое – махнул он на зашторенные окна.

А меж тем сирены на улице стихли. За стеной захлопали двери кабинетов, были слышны шаги сотрудников, возвращающихся из убежища. В кабинете начальника разведки повисла тишина. Все думали об одном. Что ждет нашу страну в недалеком будущем, когда гитлеровские войска подойдут к Москве? А что это случится, у разведчиков сомнений не было.

– Ну, ладно, нужно работать – Фитин прервал паузу – Итак, Виталий – обратился он к Павлову – тебе в оперативном порядке нужно готовить специалистов для переброски в США. Там нам потребуется широкая агентурная сеть. Причем, учитывая характер необходимой нам информации, уклон должен делаться на нелегалов. Нужно искать молодежь, которую пока не призывали на фронт, а может быть и отзывать с фронта ребят, владеющих английским. Агенты

должны направляться абсолютно подготовленными во всех отношениях. Легенды, документы, шифры, явки... Ну ты это и без меня знаешь. А твоя задача, Исхак, принимать агентов в Штатах и налаживать работу всей американской нелегальной резидентуры...

Фитин заметил, как при последних его словах изменилось лицо Ахмерова. Он прекрасно понял, какие чувства сейчас переполняли одного из лучших его агентов. Ахмеров, который волею наркома Берии после возвращения из США оказался на должности стажера американского отдела управления внешней разведки, постоянно испытывал на себе придирки и усмешки Лаврентия Павловича. И хотя Фитин пытался «глушить» необоснованные претензии Берии к Ахмерову, опытному разведчику было не позавидовать. Ситуация резко изменилась с началом войны. Сталин, видимо, осознав свое ошибочное отношение к работе разведчиков, стал приглашать к себе Фитина одного, без сопровождения наркома. Понятно, что это нервировало «сталинского фаворита»⁶, но с другой стороны это развязало Фитину руки. Теперь

⁶ Формально начальником Фитина в 1941 году был В.Н.Меркулов- нарком госбезопасности СССР, но главным куратором этого ведомства оставался Берия. После окончания войны Берия «отыграется» с Фитиным не только за самостоятельность. В 1939 году нависла смертельная угроза над видным советским контрразведчиком П. А. Судоплатовым. На заседании партбюро НКВД, которое должно было исключить Судоплатова из партии, единственным человеком, кто воздержался при голосовании, был П. М. Фитин. В 1947 году Берия отправит генерал-лейтенанта вначале в Берлин заместителем представителя МГБ СССР, а затем переведет его в Свердловскую область заместителем начальника областного

он мог принимать решения без оглядки на своего грозного патрона. Именно поэтому Фитин решил вернуть Ахмерова за океан. Он понимал, что с поставленной самим Сталиным задачей лучше Ахмерова никто справиться не сможет.

Конечно, всего этого Фитин не мог рассказать своим оперативникам. Да, наверное, это было и не нужно. Ему удалось, и это было главным, выйти из-под постоянной бериевской опеки, которая негативно влияла на качество работы внешней разведки, а точнее на оценку ее работы высшим политическим руководством страны.

– С тобой в Штаты – продолжил генерал – едет и Хелен⁷. Ахмеров просиял. О большем он и мечтать не мог.

– На все про все у вас две недели – он полистал перекидной календарь, лежащий на столе – К 21 августа доложите результаты.

– Есть – строго по-военному отрапортовали оперативники— Разрешите идти?

– Виталий ты иди, а Исхак задержись.

Когда Павлов вышел, Фитин сказал:

– Исхак, когда прибудешь в Штаты, постарайся выйти на Уайта. Нам нужно точно знать, какие действия в ближайшее время предпримет Белый дом в отношении Японии. От этого зависит судьба Москвы, а может быть и всей стра-

управления КГБ СССР.

⁷ При содействии Фитина Хелен Лаури получила советское гражданство и стала официальным сотрудником управления внешней разведки.

НЫ...

– Ну, давай рассказывай, Билли, что видел, где побывал? – спросил Ахмерова Гарри Уайт, когда улеглись первые эмоции после встречи двух старых друзей.

Они встретились в небольшом летнем кафе на берегу Потомака. Октябрь в Вашингтоне выдался теплым и сухим, поэтому большинство жителей американской столицы предпочитали открытые летние кафе душным рестораничкам, расположенным, как правило, в полуподвальных помещениях.

– Был в Шанхае и Пикине, проехался по СССР, проездом был в Турции....

– Здорово. Я смотрю, ты посидел. Страшно было?

– Гарри, война всегда страшна.

– Китайцы держатся, а русским достается от Гитлера...

– И нам достанется, если будем сидеть, сложа руки – начал «подводить» Уайта к нужному разговору Ахмеров.

– Скоро США объявят войну Японии – ответил Гарри – Но в Белом доме пока решают, как это красиво сделать. Нужен повод. Я докладывал уже президенту наш анализ ситуации в бассейне Тихого океана. В целом он его одобрил и дал поручение государственному департаменту подготовить все, что нужно.

– А Конгресс?

– Я думаю, что Конгресс уже и сам будет рад поддержать Рузвельта. По-моему только слепой не видит, что происхо-

дит в мире.

– Куриная слепота наших конгрессменов выйдет нам боком.

– Не кипятись, Билли. Мы выходим на финишную прямую. Ты лучше скажи, как думаешь, русские и китайцы выстоят?

Ахмеров, отхлебнув горячего капучино, принесенного официантом, ответил:

– Россия и Китай – громадные по своим территориям и людским ресурсам государства. Кроме этого там очень развито чувство патриотизма. И китайцы, и русские – это те нации, у которых можно выигрывать отдельные сражения, но победить их невозможно.

Уайт молчал, было видно, что он прокручивает в своей умной голове только что услышанное. Наконец он произнес:

– А американцы?

– Мы – еще очень молодая нация. И не забывай, Гарри, Америка еще никогда не воевала на своей территории. Нам как нации, нужно пройти через горнило войны, чтобы мы стали непобедимыми.

Опять их разговор прервался. Станным было говорить о войне, когда вокруг царил мир, щебетали стрижи, молодые мамы прогуливались с колясками по набережной.

– Только ради вот этого – Уайт кивнул в сторону копошившихся на берегу детей – мы должны сделать свой ход. Иначе завтра начнут бомбить и нас.

- Кстати, Гарри, помнишь, я тебя спрашивал об атомном оружии?
- Конечно. А что, ты узнал что-то новое?
- Да ничего, вроде, особенного. Но в Шанхае я познакомился с одним японским геологом, который сказал, что они тоже ищут уран.
- Этого еще не хватало.
- Помолчав, Уайт продолжил:
- Недавно к нам в министерство обращался один банкир. Он зондировал возможность покупки правительством партии урановой руды.
- А что у нас есть свои месторождения? – насторожился Ахмеров.
- Насколько я знаю, Билли, их разведка ведется. Но он говорил уже о готовой партии.
- Странно. А что это за купец за такой?
- Александр Сакс. А тебе зачем?
- Да посмотрелся я в Китае на всяких аферистов, в том числе и международного масштаба.
- Ну, нет, Билли. Сакс – весьма влиятельная фигура. Он вхож даже в Белый дом.
- Да что мы все о делах. Ты расскажи лучше, Гарри, как жена, как дети? Выросли уже, наверное....

Вечером того же дня Ахмеров отправил в Центр две шифрограммы следующего содержания:

«Рид – Климу. Вопрос о вступлении США в войну с Японией в Белом доме решен принципиально. В ближайшие 2—3 месяца ожидается начало боевых действий. Для их начала руководство США ищет подходящий повод. Рид»;

«Рид – Климу. Видный финансист А. Сакс провел переговоры в министерстве финансов по вопросу возможного приобретения правительством страны партии урана. Происхождение данной партии неизвестно. Рид».

А в Москве, в Ставке Верховного Главнокомандования, проанализировав всю имеющуюся разведывательную информацию, Сталин принял решение о переброске в европейскую часть страны дивизий с Дальнего Востока и Сибири, которые сыграют решающую роль в контрнаступлении советских войск в начале декабря 1941 года. Столица будет спасена. В том числе и благодаря незаметной работе сотрудников внешней разведки.

В 50 километрах к северо-востоку от американской столицы на берегу реки Патапско расположился крупный город Балтимор, названный так в свое время в честь основателя английской колонии лорда Сесила Балтимора.

Здесь на тихой улочке с красивым названием «Улица первых цветов» в небольшом старинном особнячке разместилось швейное ателье «Майкл энд Синди». Его совладельцами были супруги Майкл и Синди Грин. Бизнес этой мастерской по пошиву готового платья был небольшим, заказов бы-

ло мало, поэтому сотрудники ателье, а их было 4 человека, частенько сидели на своих рабочих местах и от нечего делать обсуждали последние городские новости.

В 10 часов до полудня 25 ноября 1941 года в ателье зашел смуглолицый элегантно одетый брюнет с седеющими висками. Чуть раскосый разрез глаз выдавал в нем выходца из Азии. Это был хозяин заведения Майкл Грин.

Сотрудники, увидев своего шефа, притворно «начали работать».

– Доброе утро, мистер Грин – поприветствовал хозяина закройщик Бритман.

– Доброе утро, Джордж – ответил Майкл – миссис Грин еще не приходила?

– Никак нет, сэр.

«Я и без тебя вижу – подумал Майкл – Будь тут Синди, вы не маялись бы здесь от безделья. С работой ателье нужно что-то делать. Неравен час, власти заинтересуются, с чего бы это малоходное заведение содержит четырех человек и выплачивает им зарплату. За месяц сшили 3 платья и 1 костюм. Не густо».

Майкл зашел в свой кабинет и прикрыл за собой дверь. Он снял мокрый от дождя плащ и повесил его на вешалку. Затем сел за письменный стол и задумался:

«Здесь мы с Хелен... с Синди – мысленно поправил он сам себя – Нужно привыкать к новому имени жены. Скоро уже два месяца работает наша контора. Но пока одни убыт-

ки. Конечно, можно еще тянуть на деньги Центра, но стране сейчас не до оплаты труда американских бездельников. Нужно переходить на пошив чего-то более серьезного. Тогда, глядишь, будем зарабатывать сами. Может быть, заняться верхней одеждой? Шубами, например. Хотя здесь на побережье зимы теплые, но американские модницы любят щеголять в меховых манто...»

Дверь распахнулась, на пороге кабинета стояла его жена.

– Привет, Майкл. Ты за мной еще не соскучился, родной? – кокетливо проворковала она достаточно громко, чтобы было слышно «ушастым» подчиненным.

Рид, а это был никто иной, как резидент советской нелегальной разведки Исхак Ахмеров, искренне улыбнулся жене и также игриво ответил:

– Конечно, любимая.

Хеллен шагнула к мужу и закрыла за собой дверь. В кабинете шефа повисла тишина.

«Наверное, целуются?» – с завистью подумал Бритман, невольно вспоминая свои семейные неурядицы. Швей-молoduшки Джулия и Кристин хихикнули в своем углу.

А меж тем Ада (ее псевдоним остался прежним) передала Риду контейнер с шифрограммой, который она часом раньше изъяла из тайника возле дома-музея писателя Эдгара По. Рид ждал этой шифрограммы уже две недели. Поэтому он тут же вскрыл контейнер и извлек записку. В ней было написано:

«12.36. 63.31.42.66.46.»

Смысл этого непонятного набора цифр Ахмерову стал понятен сразу. Для внутренней связи со своим агентом, работающим в городе, он выбрал шифр, который содержался в весьма экстравагантном названии картины Мари Кассат «Портрет Чарльза Дикрона Келькьяна в возрасте двенадцати лет». Эту картину Рид увидел в здешнем музее и сразу решил использовать ее название для шифровок. Первая цифра в паре означало слово, а вторая – букву. В случае отсутствия нужной буквы в названии картины, перед или после имевшихся букв ставилось тире, например, буква «Б» обозначалась, как «2.1-», а буква «М» – «4.3-». Если в шифровке хотя бы одна точка отсутствовала, то это значило бы, что за агентом следят.

Но в данном случае все было просто. «Он здесь» – прочитал Рид.

Ахмеров радостно улыбнулся своей жене и вот теперь уж от души ее поцеловал.

Смысл двух слов, изложенных в записке, был весьма велик. С самого первого дня своего пребывания в Штатах супруги Грей искали Эдгара Сенжье, который в свое время умыкнул из Анголы урановую руду. То, что этот господин находился в Штатах, они выяснили достаточно быстро, а вот узнать конкретное его место жительства оказалось труднее.

Ахмеров, начиная «охоту» на Сенжье, рассуждал так: «Если руду перевозили морем, а ее действительно погрузили в порту Лобито на два сухогруза, то корабли, если они направились в Америку, должны были причалить к восточному побережью. Руду куда-то должны были выгрузить. Для этого нужен был достаточно крупный порт. Чтобы превратить руду в металл, а для атомщиков нужен именно металлический уран, где-то рядом с портом должен был располагаться металлургический комбинат. Таких мест на восточном побережье было несколько. И как раз на середине между этими портами располагался Балтимор, который тоже был и портовым и металлургическим центром. Кроме этого в городе было налажено производство поршневых насосов, которые были очень важны для производства сырья атомного оружия. Об этом Ахмеров узнал, прочитав одну премудрую статью в журнале «Нейчур» за 1939 год.

С другой стороны, этот город располагался всего в часе езды от Вашингтона, где жили и работали основные его источники информации.

Так что, еще в Москве Павлов и Ахмеров, когда готовилась командировка Рида и Ады, этот город выбрали неслучайно.

Итак, Сенжье нашелся. Теперь нужно было искать к нему подходы...

Сенжье фыркался, с удовольствием принимая душ в но-

мере «люкс» отеля «Балтимор Суйтес». Сидящий ловелас готовился к весьма приятному свиданию. Вчера за ужином в ресторане отеля он познакомился с очаровательной блондинкой, носящей не менее очаровательное имя – Биатрисс.

Коммерсант вылез из-под душа и, накинув махровый халат, перешел в гостиную своего номера. Он посмотрел на часы, до свидания оставалось еще два часа.

«К чертям все дела – подумал он – Эти снобы из „Бетлехем стил корпорейшен“ подождут до завтра».

Сенжье сел в кресло и с удовольствием раскурил ароматную кубинскую сигару.

«Конечно – продолжал он свои размышления – с американцами нужно держать ушки на макушке. Янки они и есть янки. Для них главное деньги. Для нас, европейцев, деньги тоже важны, но не до такого же фанатизма».

Он невольно вспомнил свой первый приезд в Балтимор в начале года. Тогда, явившись на местный металлургический комбинат компании «Бетлехем стил корпорейшен», расположенный на мысе Спарроус-Пойнт, он встретил достаточно холодный прием. На его предложение купить урановую руду президент компании ответил резким отказом. Никакие убеждения бельгийского предпринимателя о стратегическом значении сырья на американца не действовали. И вот теперь эти зазнайки сами стали искать Сенжье. Они сняли для него самый лучший номер в фешенебельном отеле и ждали его на ужин в Вашингтоне.

«Подождут – еще раз подумал бизнесмен – Почему я, бельгиец, поверил французу... – он напрягся, чтобы вспомнить имя – А, Кюри и англичанину Тизарду, и не продал эту злосчастную руду немцам? Потому что я патриот. И что мне от этого патриотизма? Франции уже не до урана, Англия тоже потеряла интерес, а я остался с этими камнями. Мало того, хранение руды в пакгаузе нью-йоркского порта мне уже обходится в копейчку. Куда я только с ней не совался?! Никому она была не нужна. Что-то, конечно, обещал сделать Сакс. Но он еврей и, наверное, тоже обманет. Сколько же мне содрать с „Бетлехем стил корпорейшен“?»

Его размышления прервал резкий телефонный звонок. Сенжье вздрогнул и снял трубку.

– Сенжье, это вы? – на том конце провода раздался резкий голос Александра Сакса.

– Да, мистер Сакс, это я – ответил бельгиец, отмечая про себя, что американцы все же хамы. «Не здравствуйте, не господин Сенжье, а просто Сенжье. Ох, уж эти янки...».

– Куда вы пропали? Я вас уже ищу три дня. Хорошо, что хоть ваша нью-йоркская консьержка сказала, что вы в Балтиморе. Что вы там забыли?

– А я что, мистер Сакс, должен перед вами отчитываться о своих перемещениях по стране?

– Ну, зачем так резко, Сенжье? Вы ведь сами просили помочь реализовать тот груз, который вы доставили из Анголы. Или вы уже его продали?

– В общем-то этим грузом заинтересовалась «Бетлехем стил корпорейшен».

– Вы уже вели с ними переговоры?

– Да, нет, сэр. А почему вас это так интересует?

– Эдгар, груз, конечно, ваш, и вам решать, что с ним делать. Но я от имени правительства США предлагаю вам приличные деньги.

– Насколько приличные, Алекс? – помолчав с минуту, спросил Сенжье.

– У «Бетлехем стил корпорейшен» таких денег нет.

Бельгиец молчал. Видимо, на том конце встревожились и Сакс спросил:

– Сенжье, вы слышите?

– Да, да, мистер Сакс, я слышу... Но я попал в пикантную ситуацию. «Бетлехем стил корпорейшен» оплатила для меня люксовый номер в отеле и сегодня меня ждут на ужин в Вашингтоне...

– Не беспокойтесь, Сенжье, – Сакс ухмыльнулся – через час вам доставят деньги и оплатят все ваши расходы. Когда вы получите баксы от правительства нашей страны, то потом отдадите. Считайте, что я даю вам в долг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.